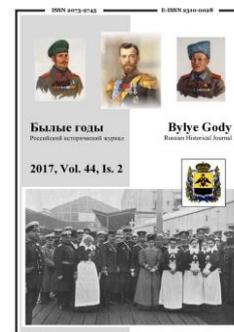

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 410-419, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.410
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Confessional Policy of Russia in Relation to Christian non-Orthodox Denominations in the North Caucasus in the late XVIII – early XX centuries

Farman M. Kuliev^{a, *}

^a The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-Caucasus Institute, Russian Federation

Abstract

The paper dwells on the analysis of the confessional policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the late XIII - early XX centuries. In the complex geopolitical situation caused by the struggle of Iran, Turkey, Great Britain, France and other countries for domination in this territory, the Russian authorities succeed in pursuing successful domestic and foreign policies, an important component of which is confessional policy in the region.

During the period under review, the territory of the Russian Empire reached its maximum size and united peoples belonging to different religious denominations. The non-Orthodox population prevailed in many regions of Russia, including the North Caucasus, and this compelled the authorities to pursue a special policy aimed at the easy entry of such enclaves into the structure of public administration that exists in the rest of the country.

In that period, the German settlers were an integral part of the ethnic structure of the North Caucasus. The well-known loyalty of the Russian government to the Germans determined their special role in the colonization policy of Russia. The tsarist government placed on the German colonists the task of economic development of the region, the function of transferring of the economic and cultural experience to the local communities.

In the Russian Empire the Roman Catholic Church and the Evangelical Lutheran Church were a part of social life and could not exist in isolation. On the one hand, the Catholic and the Lutheran religions acted as a factor of social relations formation, helped to maintain the stability of the society and stimulated its change for their congregation. On the other hand, since Russian society was multi-confessional, ethnic differences were intertwined with religious, one value system was opposed to another, and the integration of the Catholic and the Lutheran peoples was accompanied by difficulties and problems.

The author argues that the relationship between the government of the Russian Empire and Western Christianity were based on the certain principles, reflecting the patterns of government policy for running of non-Orthodox denominations. For several centuries the main direction of the confessional policy of the Russian Empire was the principle of state controlling all religious institutions.

Keywords: Catholicism, Lutheranism, state-confessional relations, the Russian Empire, the North Caucasus, German settlements, confessional policy, interfaith dialogue, immigrants.

1. Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена особым положением Северного Кавказа в России. Специфика этого положения проявляется в исключительном разнообразии этнолингвистических, этнорегиональных и этноконфессиональных групп, проживающих на Северном Кавказе. В конце XVIII – начале XX века в данном регионе были представлены крупнейшие мировые конфессии. Широкое

* Corresponding author

E-mail addresses: kyliev_farman@mail.ru (F.M. Kuliev)

развитие и распространение получили католицизм и лютеранство, которые были включены в поликонфессиональную структуру Российской империи. Все это говорит о необходимости более внимательного отношения к историческому опыту взаимоотношений государства и конфессий в рассматриваемый период, дабы извлечь определенные уроки для будущего развития страны, так как и по настоящее время Российская Федерация остается многонациональным и многоконфессиональным государством.

Вне всякого сомнения, католичество оказало большое влияние на культурно-историческое и духовное развитие народов Российской империи. Со второй половины XVIII в. немецким переселенцам, в первую очередь крестьянам, царское правительство обещало льготы и различные блага. Переселившиеся обустроивались на новых местах империи, в том числе и на Северном Кавказе, строили церкви, дома, сохраняя этническую самобытность, традиции, приверженность католической религии.

Несмотря на то, что господствующее положение в империи принадлежало Русской Православной Церкви (далее – РПЦ), правительство на определенных принципах строило государственно-религиозные отношения, в которых нашли отражение закономерности государственной политики по отношению к инославным конфессиям. Государство при осуществлении религиозной политики придерживалось следующих принципов: нестабильность и изменчивость государственной политики по отношению к инославным конфессиям; дифференцированный подход к каждой конфессии; подчинение церквей государству и их полная зависимость от государственных органов; охранительная политика российского правительства по отношению к РПЦ и т.д. Вышеперечисленные принципы государственной властью не были конкретизированы и систематизированы в каком-либо одном законодательном акте, а логически выведены как из всей совокупности правовых документов, так и из конкретных исторических событий и фактов. Эти принципы и определяют сущность взглядов государства на неправославные христианские церкви в истории Российского государства.

Поэтому, по мнению некоторых специалистов, при разработке современной концепции отношений государства и религиозных объединений в Российской Федерации, необходимо «обоснование сущностных элементов, составляющих новую модель государственной политики в сфере свободы совести» (Одинцов, 1997: 19).

Внутренняя и внешняя политика, геополитическая ситуация на рубеже XVIII–XIX вв. способствовали тому, что царская власть корректировала направления религиозной политики как по отношению, например, к представителям ислама, так и к инославным церквям – католикам, лютеранам. Изменившаяся со второй половины XVIII в. национально-религиозная конфигурация Российской империи заставляла искать такие формы государственного устройства и государственно-религиозных отношений, которые позволяли бы, включая вновь присоединенные этносы, народности, сохранять господствующее положение и РПЦ, и титульной нации. Несмотря на то, что Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская церкви рассматривались как чужеродные, безусловно, они являлись частью общественной жизни в Российской империи.

В Российской империи законом были запрещены любые формы проповеди и пропаганды своего вероучения (за исключением православного), т.к. законодательство это рассматривало как проявление националистических тенденций. По существующим нормам переход отдельного лица в другое исповедание, кроме православного, законом не допускался. А поскольку конфессиональные различия практически совпадали с этническими, то роль регулятора национального вопроса и социальных отношений, хранителя стабильности социума играло вероисповедное законодательство. Этим, на наш взгляд, обуславливались специфические черты государственно-религиозных отношений в Российской империи.

Взаимоотношения государства и религии должны изучаться, исходя из особенностей исторического развития, а также с учетом опыта государственно-конфессиональных отношений.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве источников при написании статьи использованы законодательные и нормативные акты, в частности Полное Собрание Законов Российской Империи (далее – ПСЗРИ); статистические материалы; сборники документов по конфессиональной политике Российской империи на Северном Кавказе, а также научные публикации современных исследователей.

2.2. Решение исследовательских задач основано на принципе историзма, объективности и системного подхода. Применение принципа объективности осуществлялось с учетом имеющихся в исторической науке различных точек зрения на проблемы взаимоотношений, взаимодействия Российской империи с народами Северного Кавказа. Соблюдение этого принципа подтверждалось всесторонним анализом различных видов источников.

В работе использовались такие методологические приемы, как сравнение и обобщение, анализ, синтез, историко-типологический метод. Также использованы принципы логического отбора фактического материала, система методов исторического описания социально-политических процессов.

При написании статьи использовались и такие методы, как: историко-сравнительный, проблемно-хронологический, системного анализа, ретроспективный подход.

3. Обсуждение

Историография по теме исследования обширна, она включает в себя специальную литературу – законодательные акты и сборники сведений, изданные в 1830–1911 гг. (ПСЗРИ, 1830, 1882; Сборник сведений о Кавказе, 1871; АКАК, 1873; Сборник сведений о Северном Кавказе, 1911). В данных источниках содержатся сведения о правовом взаимодействии царской власти и неправославного духовенства, информация о немецких колониях на территории Российской империи и немецких поселениях на Северном Кавказе.

Вопросы конфессиональной политики России по отношению к христианским неправославным конфессиям на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XIX в. были рассмотрены в работах таких дореволюционных исследователей, как Л. Розенберг, И.М. Белоголов, которые отметили усиление контроля со стороны власти над католиками и лютеранами в Российской империи, привели сведения об истории расселения лютеран, об организационном устройстве общин, их структуре (Розенберг, 1900; Белоголов, 1915).

В поздний советский и постсоветский периоды данная тема начала активно разрабатываться. Появился целый ряд исследований, посвященных описанию жизни немецких переселенцев как в Российской империи в целом, так и непосредственно на Северном Кавказе. Среди работ первой группы выделяются труды В. Задворного и А. Юдина, В.М. Кабузана, О.А. Лиценбергер, Т.Д. Филимоновой, Б. Чаплицкого, в которых авторы рассматривают правовое положение Римско-католической церкви в России, отмечают активное вмешательство государства в дела церкви, приводят численность немецкого населения в различных регионах (Задворный, Юдин, 1995; Кабузан, 1989; Лиценбергер, 1991; Филимонова, 1986; Чаплицкий, 2002).

В работах второй группы ученые Э.Я. Агаева, В.С. Белозеров, Л.К. Гостиева, Р.Н. Дзагоев описывают религиозную жизнь и различные вопросы социально-экономической деятельности немецкого населения на Северном Кавказе (Агаева, 1994, Белозеров, 2005; Гостиева, 1995, Дзагоев, 2005).

4. Результаты

Во второй половине XVIII - начале XIX в. в результате переселенческой политики в Российской империи значительно увеличилось количество представителей западно-христианских конфессий: в Петербургской губернии – 0,7 тыс. человек (1765–1812 гг.), в Черниговской – 0,9 тыс. человек (1766 г.), Воронежской – 0,3 тыс. человек, Лифляндской – 0,3 тыс. человек (Кабузан, 1989: 23). Например, только в Поволжье за десять лет, с 1763 по 1774 г., из Европы прибыло почти 32 тыс. мигрантов. Из них 8–10 тыс. человек были католиками, остальные – протестантами (Stricker, 1995: 140).

С конца XVIII в., по мере дальнейшего продвижения Российской империи на Северный Кавказ, сложились определенные предпосылки для переселения в данный регион западных христиан. Царская власть, приглашая немецких колонистов, видела в них некий локомотив правильного хозяйственного и социокультурного освоения региона.

Задачи, стоящие перед имперской властью на Северном Кавказе, определяли сущность взаимоотношений с немецкими переселенцами. Необходимо было не только создавать условия для успеха немецкой колонизации региона, но, и, в первую очередь, привлечь колонистов к осуществлению планов властей по развитию промышленности, торговли, местного хозяйства. Реализация данных задач привела к росту числа приверженцев католической и лютеранской религии на Северном Кавказе.

Манифестом от 22 июля 1763 г. «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» были определены условия переезда мигрантов в Российскую империю. Царская власть предоставляла им следующие льготы: «беспрепятственное отправление веры по своим уставам и обрядам»; свободу от податей, налогов и постоев на 30 лет; переезд за счет российского правительства; свободу выбора места поселения; разрешало промышленникам приобретать рабочую силу; предоставляло беспроцентную ссуду на строительство домов и т.д. (ПСЗРИ. Т. XVI, 1830: 313–316). Необходимо отметить и тот факт, что вышеперечисленные льготы правительство распространяло как на переселенцев, так и на их потомков. Составитель Манифеста четко определил статус иммигрантов: каждый иностранец, заявивший о «решительном своем намерении» поселиться на свободных землях для хлебопашества или записаться в купечество, обязан «учинить по вере своей и обрядам обыкновенную о подданстве Нам в верности присягу» (ПСЗРИ. Т. XVI, 1830: 313–316).

Политика царского правительства по отношению к переселенцам привела к повсеместному образованию во второй половине XVIII в. католических приходов и храмов практически во всех крупных городах Российской империи.

Вплоть до разделов Речи Посполитой основным документом, регулирующим правовое положение Римско-католической церкви в Российской империи, оставался «Регламент для католической церкви в Петербурге», принятый в 1769 г. императрицей Екатериной II. Императрица лично наметила основные положения Регламента, которые потом доработала и представила в виде закона Юстиц-коллегия (ПСЗРИ. Т. XVII, 1830: 1032–1034). По мнению Екатерины II, в Петербургском костеле должны были служить монахи францисканцы, и наиболее подходящими кандидатами, в противовес итальянцам, являлись католики из Германии. На тот момент Коллегия

иностранных дел обязана была списываться с германскими курфюрстами и только через них вызывать духовные лица в Российскую империю.

Помимо Санкт-Петербурга, Крыма и Поволжья южные регионы и Кавказ стали одним из самых крупных объединений католических общин в Российской империи (Лиценбергер, 2001: 57–58). На юге страны колонии существовали в Екатеринославской, Полтавской и Херсонской губерниях, были также бессарабские, крымские и одесские колонии. Что касается Северного Кавказа, то еще в средние века итальянцами была предпринята попытка приобщения местного населения к католичество, в частности, кабардинцев и балкарцев. А в XVIII в. активную миссионерскую политику среди кабардинцев вели жители шотландской колонии Карасс, расположенной под горой Бештау в Пятигорске.

Можно отметить, что шотландцы достигли некоторого успеха в деле христианизации кабардинцев. И царское правительство, видя миссионерские успехи шотландцев, сделало ставку на них в качестве проводников христианской веры среди коренного населения региона. «Всякому кабардинцу, черкесу или другому магометанину или язычнику из людей свободных дозволяем принять вероисповедание колоний и делаться членом оной с согласия управы» (Керашев, 1991: 231). О данном факте говорится в «Высочайшей грамоте колонии Шотландцев, в Кавказской губернии поселяемой – на пожалованные ей выгоды и преимущества» от 25 декабря 1806 г., где отмечалось: «Снисходя на прошение, принесенное Нам от общества Шотландцев, за четыре пред сим года, по соизволению Нашему в смежности гор Кавказских особенною колониєю водворившихся, Мы в поощрение предприятий их клонящихся к распространению трудолюбия, ремесел и фабрик в краю, столь мало населенном и смежном с народами Магометанскаго исповедания или язычниками, никакого образования неимеющими, и сообразуясь с выгодами и преимуществами Сарентскому Евангелическому Обществу предоставленными, Всемилостивейше пожаловали и сим утверждаем следующие колонии сей выгоды и преимущества» (ПСЗРИ, 1882: 231).

Упомянутой выше грамотой шотландским миссионерам было дано право покупать у окрестных горских народов пленников и рабов и оставлять их при колонии для наставления в христианстве и полезных знаниях. Предполагалось, что эти воспитанники могут быть впоследствии употребляемы в качестве миссионеров между своими сородичами (АКАК, Т. V: 1032).

Однако, несмотря на полученные привилегии в деле миссионерской политики, шотландцам не удалось массово обратить местное население в христианство. В 1825 г. посетивший колонию Карасс англичанин Р. Лайэлл отметил индифферентность местных жителей к чужой религии и их стремление исповедовать ислам (Керашев, 1991: 231).

Для общего управления всеми иностранными колониями на юге Российской империи в 1800 г. была создана Контора опекунов новороссийских иностранных поселенцев. Через 18 лет Контору опекунов переименовали в Екатеринославскую контору иностранных поселенцев. Контора занималась сбором податей, налагала штрафы, поощряла модернизационные процессы в земледелии, контролировала строительство колонистами домов и фабрик, занималась выдачей паспортов и т.д. На территории Российской империи Контора опекунов разделила немецкие поселения на колонистские округа, которые включали несколько деревень.

В начале XIX века из внутренних губерний Российской империи начинается интенсивное переселение колонистов, немцев-католиков, на Северный Кавказ, что привело к образованию значительной католической общины в данном регионе. В 1807 г. возникли католические приходы в Моздоке и Кизляре (Чаплицкий, 2002: 66).

В феврале 1804 г. правительство публикует новые правила «о приеме и водворении иностранных колонистов», которые значительно дополнили законодательство, существующее с 60-х годов XVIII в. По данному закону в Российскую империю разрешали переселяться только «лицам семейным, зажиточным, доброго поведения и полезным в сельском хозяйстве» (ПСЗРИ, Т. XXVIII, 1830: 137–140).

Духовенство по этим новым правилам получило ряд льгот, в первую очередь, денежные выплаты на дорожные расходы и большие земельные наделы, а главное десятилетнее, а не двухлетнее, как ранее, правительственное содержание. По истечении представленных льгот священнослужители иностранных колоний на Северном Кавказе должны были содержаться за счет немецких общин. Бывали и случаи, когда духовное лицо по прибытии в колонию, не желало быть пастором и записывался в колонисты (Коновалов, 1998: 202). Необходимо при этом отметить тот факт, что иностранец при вступлении в звание колониста, обязан был приносить присягу на подданство перед пастором и давать расписку о соблюдении внутреннего распорядка.

Одной из главных проблем для колонистов на территории Северного Кавказа была нехватка священнослужителей. Для колонистов из Германии в 1812 г. агентом Сарентского евангелического общества Андерсом было выписано четверо священнослужителей (Лиценбергер, 2001: 57–58). Учитывая сложившуюся ситуацию, один священнослужитель вынужден был обслуживать сразу несколько католических общин.

В 1840-е гг. на территории Ставрополя образовалось Римско-католическое общество, которое впоследствии добилось разрешения вице-губернатора М.М. Ольшевского на строительство костела.

По мере роста численности населения региона возрастала роль и значение РПЦ как нравственного воспитателя народных масс, прибывавших на Северный Кавказ из различных регионов. Царская власть в лице церкви видела основного помощника внедрения в регионе, в первую очередь, идеологических основ российской государственности и монархизма. С образованием в начале XIX в. Римско-католической духовной коллегии правительство начало активно вмешиваться в церковные дела, связанные как с имущественными проблемами, так и институтом монашества ([Задворный, Юдин, 1995: 18](#)).

Управление лютеранским духовенством находилось в Тифлисе в Церковном совете, учрежденном из почтенных лиц данного вероисповедания. А в самих немецких колониях избирали обер-пастора, который осуществлял свою деятельность на основании общего устава лютеранских церквей в Российской империи. В 1827 г. утверждается обер-пасторство всех закавказских колоний и финансируется строительство церквей и школ.

В первой половине XIX века на Северном Кавказе последователей римско-католической конфессии среди коренных жителей было немного. Генерал А.П. Ермолов в начале Кавказской войны возлагал большие надежды на немецких переселенцев. А, начиная с середины 1820-х гг., разочаровался в своих ожиданиях, так как пришел к выводу, что немцы не стремятся распространять свои знания и умения в области сельского хозяйства и европейского ремесла на местное население. И все это несмотря на значительные привилегии со стороны государства. Причин было несколько: религиозный и языковой барьер в отношении с местным населением, разный уровень хозяйственного и культурного уровня, различные эпидемии и войны (Кавказская, Русско-иранская).

Царское правительство, уделяя большое внимание духовной жизни колонистов, преследовало свои цели по обращению колонистами в христианство местного населения. Начиная с конца 1840-х гг. для лучшего надзора за лютеранами было признано прекратить вызов иностранных проповедников в колонии и заменить все должности «русскоподанными». ([АКАК. Т. X: 900](#)).

С середины века начинается активное немецкое переселение на Кубань, что привело к образованию колонии Александрфельд (Александровка), в 1860-е гг. были основаны колонии Рождественская и Ново-Николаевская. Каждая немецкая семья получала в собственность надел в тридцать десятин земли и освобождение от всех повинностей на 7 лет.

В 1861 году решением правительства учреждается Терская область, состоявшая из следующих отделений: Пятигорского, Моздокского, Кизлярского и Сунженского с центром во Владикавказе. И уже в 1861–1863 гг. Терская область принимает немцев-католиков из внутренних губерний, в частности, из Поволжья, которые близ Пятигорска основали две колонии: Николаевка и Бетания. Переселенцы из внутренних губерний, например из черноморских колоний, получившие земли от государства, стали основывать дочерние колонии в районе Моздока ([Лиценбергер, 2001: 57-58](#)).

Необходимо отметить, что на территории Северного Кавказа возникали главным образом дочерние колонии. Основателями данных колоний были переселенцы из Поволжья и Новороссии, стремившиеся таким образом решить земельные проблемы. Земля ими приобреталась в кредит или же бралась в аренду. Иностранцев освобождали от каких-либо повинностей, податей, им гарантировалась свобода вероисповедания, что, безусловно, стимулировало приток переселенцев.

На территории Северного Кавказа основная часть колонистов являлись протестантами. Крупными протестантскими конфессиями были лютеранская и реформаторская, которые на основании закона 1832 г. о евангелическо-лютеранской церкви были объединены в единую церковь.

Российское правительство управление колонистами осуществляло по законодательству, введенному еще при Павле I. Колонии управлялись местными окружными, губернскими, областными палатами государственных имуществ. А те, в свою очередь, в вопросах управления были подотчетны Попечительскому комитету южнорусских колоний.

По данным гражданского управления на 1 января 1871 г. в Кубанской области немецкое население было выражено в незначительном количестве ([Сборник сведений о Кавказе, 1871: 288-291](#)). Однако завершение Кавказской войны стимулировало приток немецких переселенцев на территорию региона. Основная часть немецкого населения осела в Терской и Кубанской областях, а также на территории Ставропольской губернии. Данные всероссийской переписи 1897 г. свидетельствуют о том, что на Северном Кавказе, не считая области Войска Донского, проживало 39,5 тыс. немцев католиков и лютеран, что составляло 0,9 % населения района ([Белозеров, 2005: 44](#)). К концу XIX века, по сравнению со второй половиной 1870-х гг., численность представителей немецкой национальности в регионе выросла более чем в 7 раз.

Лояльное отношение со стороны властей к колонистам привело к тому, что к концу XIX века в Терской области существовало более 50 немецких колоний, наиболее крупными из которых были: Каррас (близ Пятигорска), Гартенфельд, Моргенталь (близ Минеральных вод), Эбен-Эцер (близ Нальчика), Гнаденбург (близ Моздока), Эмаус (в округе Владикавказ), Константиновка (в округе Грозного), Штраухдорф (в округе Хасав-Юрт) и др. ([Агаева, 1995: 120-122](#); [Гостиева, 1995: 132-134](#)).

Согласно сведениям, содержащимся в списках населенных мест Ставропольской губернии 1909 г., в регионе существовали следующие населенные пункты, основанные немецкими переселенцами: колония Молочная – Иохандорф (с численностью в 389 душ обоего пола, 56 дворов), колония Мартыновка – Мартынсфельд (с численностью в 420 душ обоего пола, 55 дворов), колония

Иваненко – Бетель (с численностью в 108 душ обоего пола, 15 дворов), колония Золоторевка – Фридрихсфельд (с численностью в 628 душ обоего пола, 70 дворов) (*Сборник сведений о Северном Кавказе, 1911: 20, 34*).

Процесс заселения Северного Кавказа немецкими колонистами был длительным. В результате реформ второй половины XIX в. и завершения Кавказской войны изменялись государственно-правовые условия создания немецких поселений и государственно-религиозная политика. Теперь главной целью колонистов было не миссионерство, а исполнение «культуртрегерской» роли (*Дзагоев, 2005: 185*). Пополнение немецкого населения происходит не только за счет внутренней миграции, но и эмиграции из Германии. Увеличивается количество населения на купленных или арендуемых немцами частновладельческих землях. В результате такой политики немецкие колонисты, по мнению местных властей, должны были хорошо работать и продемонстрировать коренному населению передовые способы ведения хозяйства, а также более высокие бытовые условия проживания. Однако колонисты не оправдали надежды местных властей. Следует согласиться с мнением Т. Филимоновой, которая считает, что наряду с социально-экономическими причинами были и трудности, вызванные, с одной стороны религиозной замкнутостью, а с другой – запретом на браки с иноверцами, активно проповедуемым католическим духовенством (*Филимонова, 1988: 106*).

К концу XIX в. в Кабарде существовало уже 4 немецких поселения – Александровская, Гнаденбург, Куржино-Атажукинская и Малокановская. Численность колонистов составляло 1404 человека. После Первой русской революции в Нальчикском округе немецкие колонисты основали еще 2 поселения – Гофнунсфельд и Эбен-Эцер. С ростом количества колоний росло и общее количество немцев. К 1910 г. численность немецкого населения достигает 2171 человек (*Дзагоев, 2005: 195-196*).

В XIX в. Северный Кавказ и Закавказье наряду с немцами заселяли и поляки, в частности, это были польские пленные, которых осудили за участие в восстаниях. Пленные поляки основали ряд общин, например, во Владикавказе, способствовали возникновению прихода для военнослужащих.

Реализуемая государственная политика свидетельствует о терпимом отношении к католикам и лютеранам. Доказательством тому является, например, увеличение римско-католических епархий с 7, в конце XIX в., до 12 – в начале XX в. Управление Римско-католической церковью (РКЦ) осуществлял Архиепископ РКЦ России из Петербурга. Глава РКЦ одновременно осуществлял и управление Могилевской Римско-католической коллегией. В коллегии рассматривались дела, касающиеся всего управления римско-католическим духовенством в Российской империи.

Во главе епархий стояли епископы, которые назначались, по предварительному соглашению с Римским Папой, высочайшими указами Правительствующего Сената. Начальник Кубанской области утверждал кандидатуры священников в римско-католические приходы этого региона (*ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5920. Л. 1–2*).

В целом, религиозный вопрос в деятельности как российской, так и кавказской администрации, занимал одно из первостепенных мест. Он заключался в том, чтобы, с одной стороны, защитить православную веру, а с другой, показать, что российские власти не собираются препятствовать колонистам в соблюдении их обычаев и прав, с целью укрепления позиций и увеличении числа приверженцев христианства на Северном Кавказе.

Царское правительство понимало необходимость существования среди иноземцев, проживающих в Российской империи, инославной религии и поэтому на определенном этапе шло на уступки.

Российские католики, несмотря на то, что подвергались более существенным ограничениям, чем лютеране, которым удалось унаследовать ценности западноевропейской цивилизации, сумели сохранить религиозные традиции, обычаи и свою конфессиональную идентичность.

В большинстве колоний, образовавшихся на Северном Кавказе, в конце XVIII – начале XX века были открыты начальные и средние школы, училища, введены в эксплуатацию церкви и молитвенные дома. В 1883 г. было открыто училище в колонии Семеновке, где количество учащихся насчитывало более 70 человек. Обучение в училище было бесплатным. Обучающиеся изучали Закон Божий, русский и немецкие языки, арифметику и т.д., а штат преподавателей состоял из пастора, русского учителя и инструктора по гимнастике (*Розенберг, 1900: 190*).

Сравнивая организацию церковного управления лютеран и католиков, необходимо отметить, что первое включает значительный светский элемент и коллегиальность власти, а для управления Римско-католической церкви характерна более строгая централизованная система (*Белоголов, 1915: 74*).

Российское правительство в осуществлении государственно-конфессиональной политики по отношению к католикам и лютеранам исходило из конкретно-исторических и социально-экономических условий.

Существование немецких колоний на Северном Кавказе свидетельствует об определенном влиянии западных христиан на экономическую, политическую, культурную жизнь российского социума, на ментальность и духовные искания, на социально-политические ориентации и типы общественного поведения народов, населявших Российскую империю.

5. Заключение

Уникальное геополитическое положение Российской империи, специфические особенности исторического, духовного, социально-экономического развития обусловили включение католицизма и лютеранства в многонациональную и поликонфессиональную структуру в конце XVIII – начале XX века.

Следует отметить, что царское правительство в рассматриваемый период создавало условия для успешного поселения лютеран и католиков на территории Российской империи и их активного участия в социально-экономической жизни страны. Изученные документы подтверждают тезис об активной интеграции католиков и лютеран в российское общество на различных социальных и культурных уровнях. На территории Северного Кавказа католики и лютеране, преодолев конфессиональную ограниченность и замкнутость, сумели выработать механизм совместного сосуществования с православием, с исламом и с представителями других конфессий и интегрироваться в российское общество.

Сущность государственно-конфессиональной политики Российской империи на Северном Кавказе можно охарактеризовать как противоречивую, непредсказуемую. Политика государства и действия властей по её претворению в жизнь не всегда носили взвешенный и сбалансированный характер, не ставили цели обеспечения равенства религий.

Рассматривая описываемые конфессиональные группы – католиков и лютеран - с позиции оценки их российской государственной властью, необходимо отметить, что католики чаще всего становились объектом нападков и со стороны государства, и со стороны РПЦ. Государством их деятельность расценивалась как «неподдающаяся» русификации и православизации. Лютеране, в отличие от католиков, выражали свою лояльность к российской государственной власти. Это можно объяснить тем, что многие лютеране были выходцами из Великого княжества Финляндского и Царства Польского, являющихся частью территории Российской империи.

Положение неправославных христианских конфессий на территории Российской империи было неоднозначным. Натолкнувшись на противодействие со стороны государства и Русской Православной Церкви, им оставалось подчиняться светской власти и соблюдать христианский нейтралитет по отношению к РПЦ.

В Российской империи вплоть до начала XX в. не было свободы вероисповедания. А становление этого процесса имело свою специфику и во многом определялось эволюцией государственного строя, социальными отношениями, политико-экономическим положением и другими факторами. Демократизация государственного строя вследствие первой русской революции вынудила российское правительство осуществить религиозную реформу, в результате которой были внесены определённые коррективы в государственно-конфессиональную политику. На тот момент напряжённость в отношениях между государством и конфессиями была вызвана тем, что ни общество, ни государственный аппарат не имели чёткого представления о механизме реализации принципа веротерпимости, в результате чего в действиях административных органов прослеживались произвол и своеволие. Только конституционная реформа начала XX в. поставила вопрос об автономности инославных церквей, их свободе от государственной опеки и вмешательства в сферу их внутренней жизни.

Таким образом, во второй половине XVIII – начале XX в. Российская империя, исходя из внутри- и внешнеполитических задач, при осуществлении государственно-конфессиональной политики руководствовалась следующими принципами, направленными на поддержку и распространение православной веры как «первенствующей» государственной религии: запрет на переход из одного исповедания в другое, за исключением перехода в православие; правовая иерархия конфессий и их неравенство в правах, привилегиях и ограничениях и т.д. Необходимо также отметить и тот факт, что государство вмешивалось во внутреннюю жизнь религиозных объединений, во внутрицерковную деятельность существовавших конфессий. А вероисповедное законодательство выступало в стране в роли регулятора национального вопроса.

Литература

Агаева, 1994 – Агаева Э.Я. Становление и дальнейшая судьба немецких колоний в Терской области / Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: Материалы Российско-Германской научной конференции. Анапа, 22–26 апреля 1994 г. М., 1995. С. 120-122.

АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: [В 12-ти т.] / Под общ. ред. А.Д. Берже. Т.V. Тифлис, 1873.

Белоголов, 1915 – Белоголов И.М. Акты и документы, относящиеся к устройству и управлению римско-католической церкви в России. Т.1. Петроград, 1915.

Белозеров, 2005 – Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Гостиева, 1995 – Гостиева Л.К. Немцы Северной Осетии: история и современность / Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: Материалы Российско-Германской научной конференции. Анапа, 22–26 апреля 1994 г. М., 1995. С. 132-134.

- Дзагоев, 2005** – Дзагоев Р.Н. Колонизационно-переселенческие процессы в Кабарде во второй половине XIX – начале XX века // *Исторический вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований*, 2005, вып. II. С. 182-200.
- Задворный, Юдин, 1995** – Задворный В., Юдин А. История Католической церкви в России. Краткий очерк. М., 1995.
- Кабузан, 1989** – Кабузан В.М. Немецкое население в России в XVIII – начале XX века (численность и размещение) // *Вопросы истории*. 1989. № 12. С. 18-29.
- Керашев, 1991** – Керашев А.Т. Беглые Адыги в России в XVII – нач. 60-х годов XIX в. // *Культура и быт адыгов* (Этнографические исследования). 1991. Вып. 8. С. 227-245.
- Коновалов, 1998** – Попечительный комитет об иностранных поселенцах Южного края России. 1799–1876 гг.: Аннотированная опись дел 1799–1818 гг. Т. I. / *Ред. О.В. Коновалова*. Одесса, 1998. Д. 797.
- Лиценбергер, 1991** – Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение. Саратов, 2001.
- Одинцов, 1997** – Одинцов М.И. Российское государство на пути к свободе совести: потери, приобретения, проблемы (1986–1996 гг.) // *Религия и политика в современной России*. М., 1997. С. 6-20.
- ПСЗРИ, 1830** – Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. XVI, Т. XVII, Т. XXVIII.
- ПСЗРИ, 1882** – Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание третье. СПб., 1882. Т. II.
- Розенберг, 1900** – Розенберг Л. Немецкая колония Семеновка Кубанской области Кавказского отдела // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Выпуск 27. Тифлис, 1900. С. 162-191.
- Сборник сведений о Кавказе, 1871** – Административное деление Кубанской и Терской областей // *Сборник сведений о Кавказе: Издание Кавказского статистического комитета*. Т.1. Тифлис, 1871. С. 288-291.
- Сборник сведений о Северном Кавказе, 1911** – *Сборник сведений о Северном Кавказе*. Списки населенных мест Ставропольской губернии (по данным 1909 г.). Том. V. Ставрополь, 1911.
- Чаплицкий, 2002** – Чаплицкий Б. История католической церкви в России. СПб., 2002.
- Филимонова, 1986** – Филимонова Т.Д. Об этнокультурном развитии немцев СССР // *Советская этнография*. 1986. №4. С. 100-111.
- Sticker, 1995** – Stricker G. Die katholische Kirche auf dem Boden des russischen Reiches, der Sowjetunion und ihrer Nachfolgestaaten // *Bernard Mensen (Hrsg.) Russland-Politik und Religion in Geschichte und Gegenwart*. Nettetal: Steyler Verlag, 1995. 140 p.

References

- Агаева, 1994** – Агаева Е.Я. (1994). Stanovlenie i dalneishaya sudba nemetskikh kolonii v Terskoi oblasti [Formation and fate of the German settlements in the Terek region] // *Russian Germans on the Don, Caucasus and the Volga: Materials of the Russian-German Scientific Conference*. Moscow. pp. 120-122 [in Russian].
- АКАК** – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission] / Edited by A.D. Berzhe. T. V. Tiflis, 1873 [in Russian].
- Belogolov, 1915** – Belogolov I.M. (1915). Akty i dokumenty, odnosyashchiesya k ustroystvu i upravleniyu rimsko-katolicheskoi tserkvi v Rossii [Acts and documents relating to the organization and management of the Roman Catholic Church in Russia]. T.1. Petrograd. [in Russian].
- Belozarov, 2005** – Belozarov V.S. (2005). Etnicheskaya karta Severnogo Kavkaza [Ethnic map of the North Caucasus]. Moscow. [in Russian].
- ГАКК** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraja [State archive of Krasnodar Krai].
- Gostieva, 1995** – Gostieva L.K. (1995). Nemtsy Severnoi Osetii: istoriya i sovremennost [The Germans of North Ossetia: History and Modernity] // *Russian Germans on the Don, Caucasus and the Volga: Materials of the Russian-German Scientific Conference*. Moscow. pp. 132-134 [in Russian].
- Dzagoev, 2005** – Dzagoev R.N. (2005). Kolonizatsionno-pereselencheskie protsessy v Kabarde vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Colonization-resettlement processes in Kabarda in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Istoricheskii vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*, vyp. II. pp. 182-200 [in Russian].
- Zadvornyi, Yudin, 1995** – Zadvornyi V., Yudin A. (1995). Istoriya Katolicheskoi tserkvi v Rossii. Kratkii ocherk [The history of the Catholic Church in Russia. Short essay]. Moscow. [in Russian].
- Kabuzan, 1989** – Kabuzan V.M. (1989). Nemetskoe naselenie v Rossii v XVIII – nachale XIX veka (chislennost i razmeshchenie) [The German population in Russia in the XIII and early XIX centuries (number and location)]. *Voprosy istorii*. № 12. pp. 18-29 [in Russian].
- Kerashev, 1991** – Kerashev A.T. (1991). Beglye Adygi v Rossii v XVII – nach. 60-h godov XIX v. [Fugitive Adygs in Russia in the XVII – early sixties of the XIX centuries]. *Kultura i byt adygov*. 1991. Vyp. 8. pp. 227-245 [in Russian].

[Konovalov, 1998](#) – Popechitelnyi komitet ob inostrannykh poselentsakh Yuzhnogo kraya Rossii. 1799–1876 [The Board of Trustees on Foreign Settlers of the Southern Region of Russia. 1799-1876]. Annotirovannaya opis del 1799–1818 gg. T. I. / *Edited by O.V. Konovalov*. Odessa, 1998. D. 797. [in Russian].

[Litsenberger, 1991](#) – *Litsenberger O.A.* (1991). Rimsko-katolicheskaya tserkov' v Rossii: istoriya i pravovoe polozhenie [The Roman Catholic Church in Russia: History and Legal Status]. Saratov. [in Russian].

[Odintsov, 1997](#) – *Odintsov M.I.* (1997). Rossiiskoe gosudarstvo na puti k svobode sovesti: poteri, priobreteniya, problemy (1986–1996 gg.) [The Russian state on the road to freedom of conscience: losses, acquisitions, problems (1986–1996)] / *Religiya i politika v sovremennoi Rossii*. Moscow. pp. 6-20 [in Russian].

[PSZRI, 1830](#) – *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. SPb., 1830. T. XVI, T. XVII, T. XXVIII. [in Russian].

[PSZRI, 1882](#) – *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. SPb., 1882. T. II. [in Russian].

[Rozenberg, 1900](#) – *Rozenberg L.* (1900). Nemetskaya koloniya Semenovka Kubanskoj oblasti Kavkazskogo otdela [German settlement Semenovka of the Kuban region of the Caucasian department] // *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza*. Vypusk 27. Tiflis. pp. 162-191 [in Russian].

[Sbornik svedenii o Kavkaze, 1871](#) – Administrativnoe delenie Kubanskoj i Terskoj oblasti [Administrative division of the Kuban and Terek regions] // *Sbornik svedenii o Kavkaze*. T.1. Tiflis, 1871. pp. 288-201 [in Russian].

[Sbornik svedenii o Severnom Kavkaze, 1911](#) – *Sbornik svedenii o Severnom Kavkaze* [Collection of information about the North Caucasus.]. Spiski naseleennykh mest Stavropolskoj gubernii (po dannym 1909 g.). Tom. V. Stavropol, 1911. [in Russian].

[Chaplitsky, 2002](#) – *Chaplitsky B.* (2002). Istoriya katolicheskoi tserkvi v Rossii [History of the Catholic Church in Russia]. SPb. [in Russian].

[Filimonova, 1986](#) – *Filimonova T.D.* (1986). Ob etnokulturnom razvitii nemtsev SSSR [About the ethno-cultural development of the Germans of the USSR]. *Sovetskaya etnografiya*. №4. pp. 100-111 [in Russian].

[Sticker, 1995](#) – *Stricker G.* (1995). Die katholische Kirche auf dem Boden des russischen Reiches, der Sowietunion und ihrer Nachfolgestaaten / *Bernard Mensen (Hrsg.) Russland-Politik und Religion in Geschichte und Gegenwart*. Nettetal: Steyler Verlag. p. 140.

УДК 93/94

Конфессиональная политика России по отношению к христианским неправославным конфессиям на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XX века

Фарман Мурувват оглы Кулиев ^{а, *}

^а Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена анализу конфессиональной политики Российской империи на Северный Кавказе в конце XVIII – начале XX века. В сложной геополитической обстановке, обусловленной борьбой Ирана, Турции, Великобритании, Франции и других держав за доминирование на указанной территории, российским властям удается проводить успешную внешне и внутривластную политику, важной составляющей которой становится конфессиональная политика в регионе.

В рассматриваемый период территория Российской империи достигла максимальных размеров и объединяла народы, принадлежащие к различным религиозным конфессиям. Во многих регионах России, в том числе на Северном Кавказе, преобладало неправославное население, и это вынуждало власть проводить особую политику, направленную на плавное вхождение таких анклавов в структуру государственного управления, существующего на остальной части страны.

В указанный период немецкие переселенцы были неотъемлемым компонентом этнической структуры Северного Кавказа. Известная лояльность российского правительства к немцам обусловила их особую роль в колонизационной политике России. Царская власть возлагала на немецких колонистов задачу экономического освоения региона, функцию передачи местному населению хозяйственно-культурного опыта.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kyliev_farman@mail.ru (Ф.М. Кулиев)

В Российской империи Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская церкви являлись частью общественной жизни и не могли существовать изолированно. С одной стороны, для своих прихожан католическая и лютеранская религии выступали как фактор формирования и функционирования социальных отношений, способствовали поддержанию стабильности социума и стимулировали его изменение. С другой стороны, так как российское общество носило многоконфессиональный характер, то этнические различия переплетались с религиозными, одна система ценностей противопоставлялась другой, и интеграция католических и лютеранских народов сопровождалась определенными трудностями и проблемами.

Автор статьи показывает, что взаимоотношения между властью Российской империи и западно-христианскими церквями строились на определённых принципах, отражавших закономерности проведения государственной политики управления инославными конфессиями. При этом главным направлением конфессиональной политики Российской империи в течение нескольких веков оставался принцип государственного контроля над всеми религиозными институтами.

Ключевые слова: католицизм, лютеранство, государственно-конфессиональные отношения, Российская империя, Северный Кавказ, немецкие поселения, конфессиональная политика, межрелигиозный диалог, иммигранты.